

УДК 94(575.2): 303.446.4

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ КЫРГЫЗОВ В XIX ВЕКЕ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ Н.А. АРИСТОВА**

А.С. Тургунбаева

Исследуется научное значение трудов Н.А. Аристов о социально-политической жизни кыргызов второй половины XVIII – XIX в. В них анализируется международное значение присоединения Средней Азии к России, дается характеристика экономических и социально-политических взаимоотношений народов региона. Исследования Н.А. Аристов, отраженные в работе “Усуни и кыргызы, или кара-кыргызы”, проливают свет на многие важные вехи в истории кыргызов, народов Средней Азии. В настоящее время одним из важных моментов в развитии исторической науки Кыргызстана является включение в научный оборот новых методов обработки доселе мало изученных трудов Аристов, а также введение в историю новых факторов, повлиявших на развитие историографии Средней Азии.

Ключевые слова: история; историография; этнос; исследование; востоковедение; родоплеменная структура; кыргызы; экспансия; Кокандское ханство; Российская империя.

**КЫРГЫЗДАРДЫН XIX КЫЛЫМДАГЫ СОЦИАЛДЫК-САЯСИЙ ЖАШООСУ
Н.А. АРИСТОВДУН ИЗИЛДӨӨЛӨРҮНДӨ**

Бул макалада кыргыздардын XVIII кылымдын экинчи жарымындагы жана XIX кылымдагы социалдык-саясий жашоосу тууралуу Н.А. Аристовдун эмгектеринин илимий мааниси изилдөөгө алынган. Бул эмгектерде Орто Азиянын Россияга кошулуусунун эл аралык мааниси талдоого алынып, региондогу элдердин экономикалык жана социалдык-саясий өз ара мамилелерине мүнөздөмө берилет. Аристовдун изилдөөлөрү Орто Азия элдеринин, кыргыздардын тарыхындагы көптөгөн маанилүү учурларды ачыкка чыгарган. Азыркы учурда Кыргызстанда тарых илиминин өнүгүшүндөгү маанилүү учурлардын бири Аристовдун аз изилденген илимий эмгектерин иштеп чыгуунун жаңы методдорун илимий өндүрүшкө киргизүү, ошондой эле Орто Азиянын тарых таануу илиминин өнүгүшүнө таасирин тийгизүүчү жаңы факторлорду тарыхка киргизүү болуп эсептелет.

Түйүндүү сөздөр: тарых; тарых таануу; этнос; изилдөө; чыгыш таануу; уруучулук түзүлүш; кыргыздар; экспансия; Кокон хандыгы; Россия империясы.

**SOCIAL AND POLITICAL LIFE OF THE KYRGYZ IN THE 19th CENTURY
IN N.A. ARISTOV'S STUDIES**

A.S. Turgunbaeva

The scientific significance of N.A. Aristov's works on the social and political life of the Kyrgyz of the second half of the 18–19th centuries is studied. In them the international significance of Central Asia's accession to Russia is analyzed, characteristic of economic and socio-political relationship between the peoples of the region is given. Aristov's researches reflected in “Usuni and Kyrgyz or a Kyrgyz penalty”, shed light on many important milestones in the history of the Kyrgyz, the people of Central Asia. Currently, one of the important moments in the development of historical science of Kyrgyzstan is the inclusion in the scientific circulation of new methods of processing hitherto little studied works of Aristov and also introduction to history of the new factors which influenced development in the historiography of Central Asia.

Keywords: history; historiography; ethnosc; research; oriental studies; tribal name; Kyrgyz; expansion; Kokand Khanate; Russian Empire.

Новый период истории кыргызов охватывает два столетия. Этот период условно можно разбить на несколько этапов: кыргызы в составе Кокандского ханства и в составе Российской империи. Хронологические рамки четко отследить не представляется возможным, поэтому те важные исторические процессы, которые происходили в Средней Азии возможно было изучить, лишь сопоставляя записи военных, исследования востоковедов, архивные данные, народный фольклор.

Н.А. Аристов в своих очерках скрупулезно изучает социально-политическую жизнь кыргызского народа, начиная со второй половины XVIII в. и до середины XIX в. Это было тяжелым временем преодоления внутренней родоплеменной раздробленности, когда приходилось бороться с внешними врагами, внутренними распрями, ослабившими итак обескровленные разрозненные племена. XVIII в., по определению востоковеда В.В. Бартольда, “был критическим для всего мусульманского мира” [1], в особенности для народов Туркестана, где проживали близкородственные тюркоязычные народы, такие как кыргызы, казахи, каракалпаки, узбеки, уйгуры, туркмены и др. Поскольку их территории тогда и до середины XIX в. часто становились объектом агрессии иноземных войск, сначала государства западных монголов – Джунгарского ханства, а затем Цинской и Российской империй. Наряду с интересами иноземных завоевателей в значительной степени этому способствовала и наблюдавшаяся политическая раздробленность Туркестанского региона [2].

В своих исследованиях Аристов очень подробно останавливается на социально-политической жизни кыргызов первой половины XIX века. Ареал распространения кочевий кыргызских племен, по данным Аристова, простирался приблизительно с севера на юг от Таласа – Балхаша до Гиндикуша – Яркенда и с запада на восток от Ташкента – Бухары до Джунгарии – Тибета. Основной территорией их сосредоточения оставались система гор Тянь-Шаня, Алая и, как сегодня мы можем видеть, охватывал пределы современного Кыргызстана.

По словам И.А. Загряжского, “в памяти кыргыз сохранилось только движение с юга, из окрестностей Андиждана, на реку Чу, где в то время жили калмаки”. Так, Аристов пишет, что Тынай-бий (рода сарыбагыш) кочевал тогда около Андиждана, саяки – около Оша, солто – на восток от них, а племена бугу – около озера Чатыр-Куль” [3].

“Изгнанные из андижданских владений тамошним узбецким беком, за воровство, сыновья Тыная Атаке и Сатыбалды, с шайкою удалцов, перешли через горы, переправились через Нарын около Кетмень-тюбе и здесь встретились

с калмаками, которых и начали барантовать... калмаки отступили перед смелыми грабителями и скоро очистили весь бассейн Нарына, так что Атаке дошел до перевала Шамси. Узнав об этом, не замедлили двинуться на Нарын все кыргызы. Калмаки оставались еще на Чу, но недолго. По другому преданию, приводимому тем же автором, однажды любимый жеребенок богатого кыргыза вдруг бросился бежать на восток. Догнать его никак не могли и приняли этот случай за предзнаменование. Собрав имущество, весь народ двинулся на восток и занял долину р. Чу, которую нашел опустевшею; султы прошли тогда на Чу через Аульета, сарыбагыши – через Нарын, но часть после них осталась в горах; саяки основались на Джумгале, Сусамыре, бугинцы заняли озеро Иссык-Куль” [3].

Эти сведения свидетельствуют, что в те времена на территории нынешнего Кыргызстана в окраинах Ферганы от Алая и до Иссык-Куля существовало хотя и раздробленное, но независимое кыргызское владение со своими самостоятельными правителями.

В записях “О диких или закаменных киргисцах” от 1785 г., также цитируемых Аристовым, присутствует перечень племен, проживающих на территориях нынешних Таласской, Чуйской, Иссык-Кульской областей: “Волости ж их сии: 1. атекайбагышская (сарыбагыш, очевидно), в которой старшина и князь или бий Атекай; 2. саякская, в которой старшина Гадай; 3. кокшинская (куши?), в коей старшина Иваула бий; 4. бустумакская (?), в коей старшина Ташибек бий; 5. могалская (?), в коей старшина Бирназар бий; 6. айльден кисейская (ельдэн ?), в коей старшина Шапак бий; 7. солтинская – Гашибек бий; 8. бугинская – Бирназар бий; 9. китай – Муса бий; 10. сару, в коей старшина умершего Садык батыря сын Сайт батыр”. Аристов уже тогда в своих исследованиях говорит о наличии у кыргызов родоплеменных групп: адигине, бугу, кыпчак, сарыбагыш, саяк, солто и др. Аристов скрупулезно описывает взаимоотношения между этническими группами, племенами, проживающими тогда на территории Центральной Азии. Говоря о кыргызах и казахах и их “добрососедских” взаимоотношениях, он подчеркивал роль Российской империи. «Когда не уважена затем была его просьба о военной помощи против кыргызов, то Аблай отказался выдавать русских пленных и туркмен, уведенных из-под Астрахани торгоутами”, так лаконично востоковед описал социально-политическую ситуацию» [3]. Но так было не всегда. Скучные сведения о Большой орде во второй половине XVIII в. показывают, что часто казахов Большой орды смешивали с кыргызами. «По “Топографии оренбургской” Петра

Рычкова, “киргисцы ханов своих слушают токмо тогда, когда хотят”. В “Дневных записках путешественника... в киргис-кайсацкой степи в 1771 г.” капитан Николай Рычков пишет: “Ала-тау почитается границею между Зюнгарию и киргис-кайсацким владением. Сия гора достойна примечания многими горячими источниками, из-под подошвы ее текущими. Высота ее, по уверению киргисцов, есть превосходнейшая из всех гор, ибо облака во многих местах ее касаются поверхности гор, и снег, на них лежащий, не растаивает в самое жарчайшее лето. В середине сих гор растет множество соснового, березового и ивового леса. В оных горах обитают коренные киргисцы”. Аристов предполагал, что сведения русских исследователей смешивали их и принимали за один народ, и что разрозненно жить и враждовать стали они лишь со времени восстановления у ордынцев султанской власти Аблай-хана.

“Статистическое обозрение Сибири, составленное на основании сведений, почерпнутых из актов правительственных и других достоверных источников”, и напечатанное в Санкт-Петербурге в 1810 г., дает о киргиз-кайсаках вообще и о Большой орде, в частности, следующие сведения: “Народ сей состоит больше под покровительством, а не в подданстве России, и почти не принадлежит к народам сибирским. Киргизцы, вероятно, названы так по имени своего родоначальника. Предания их говорят, что они произошли от нагайских татар, некоторые же считают их потомками монголов. Как бы то ни было, только о происхождении сего народа ничего верного сказать нельзя, тем больше, что и самое имя его известно стало в Европе не прежде покорения Сибири российским оружием” [4].

Как помнит история сегодня, первое посольство кыргызов было направлено Атаке-бием, предводителем племени сарыбагыш, в Санкт-Петербург в 1785 г. Эти важные вехи в истории кыргызов Аристов подробно дает в своих исследованиях. Так, цитируя автора “Исторического обозрения Сибири”, он пишет: “...В 1784 г. в первый раз явились на линию посланцы, Абдрахман и Ширгиза, привезшие на Высочайшее Имя от главного родоначальника Атяки батыря 3 барсовых и 5 рысьих кож. Посланцы награждены в Петербурге, и послано родоначальнику в подарок 800 р. серебром” [5]. Аристов дает пояснение к записи: “Атяке батырь этих известных может быть сарыбагышевским Атеке, сыном Тыная, предводившим передовыми отрядами кыргызов при возвращении народа в Тяньшань из Ферганы, по приведенным в предыдущей главе народным преданиям. Войти в сношения с Россиею могли побудить

кыргызов нападения на больше-ордынцев и на них самих, производившиеся в восьмидесяти годах средне-ордынскими султанами, непокорными, а потому враждебными и России” [3]. Таким образом, можно сделать четкие выводы о том, что кыргызы северных районов сами были инициаторами вхождения в состав Российской империи. О втором посольстве кыргызов в Омск также зафиксировано у Аристова: “В 1814 г. явились в Омск, в качестве депутатов своей орды, два бия, Шаралик и Ноязбек, для утверждения дружественных сношений с омским начальством. Они награждены капитанскими чинами, один золотой медалью, другой саблею с золотой оправой”. Не была ли вызвана потребность в “дружественных сношениях” покорением в 1814 г. казаков в бассейне Арыса коканцами, которые вынудили чимкентских казаков перейти “к границам китайским?”

С начала XIX в. наблюдаются безуспешные освободительные выступления населения Восточного Туркестана против ига чужеземцев, по инициативе правителей Коканда, и на первых порах при активной материальной и моральной поддержке других соседних мусульманских народов всегда сопровождалась крупными эмиграциями и торговыми санкциями. Такая напряженная обстановка становится причиной строительства на территории Кыргызстана с одобрения и поддержки местного населения новых укрепленных пунктов и крепостей (коргонов) с одной стороны – для защиты от возможных наступлений враждующих племен как с юга, так и с севера. С другой стороны – в них находили себе приют беженцы: уйгуры, кыпчаки из Кашгарии и Бухарского эмирата, а также частично переместившиеся соплеменники с Ферганы. Они одновременно были призваны обеспечить безопасность движения торговых караванов по обретающим более интенсивный характер направлениям на востоке – в сибирские города Российской империи: Омск, Петропавловск, Семипалатинск, на юго-востоке – в города Синьцзяна: Кульджа, Чугучак, Яркенд, Ак-Су [6].

Аристов дает такое описание событий указанного периода: “В 1821 г., при препровождении купеческого каравана, проходившего через землю Закаменной орды, находился с отрядом офицер Лещев. Он говорит, что палатки для отряда ставились женщинами из белых полостей; что орда вмещает в себе беглецов из ташкинцев, татар и даже русских, владеет огнестрельным оружием, стреляет без фитилей, ненавидит соименные орды, хотя те и другие одного мусульманского вероупования. Еще, что муллы тамошние, по безграмотности туземцев, из беглых татар; что приказы биев свято исполняются; что хлебопашество состоит в посевах

проса, китайской пшеницы и гороха; что зерно мелется на мутовочных мельницах или ручными жерновами; что язык у них турецко-татарский. Лещев не мог мне пересказать ничего из тамошней природы, кроме того, что есть там большое озеро, конечно, Иссык-куль, что оно безрыбно и никогда не замерзает; что по причине гор множество речек, множество цветов и трав, а питательная трава кипец служит вместо овса. По маршруту того же офицера, от Семипалатинска до роздыха в орде Закаменной, записано 1537 верст” [3].

“В 1821 и 1824 гг. посланцы орды просили в Омске о принятии ее в подведомство России, с предложением доставлять нашим караванам безопасность в пути до Кашгара. Может быть, эти два посольства вызваны были главным образом нуждою в защите от коканцев, взявших в начале 1821 г. Кетмень-тюбе и разграбивших аулы сарыбагышей” [7].

Некоторые сведения о кыргызском посольстве 1824 года есть в письме генерал-губернатора Западной Сибири П.М. Капчевича к генерал-губернатору Восточной Сибири от 7 декабря 1825 г. за № 243: “С прибытием моим в нынешнем году в Сибирь, нашел я в Омске депутацию дико-каменных киргиз, кочующих большою ордою при озере Иссык-Куль и частью между Китаем, Кашкариею и Коканом. Депутаты сии, состоявшие из трех биев от лучших родов и четырех почетных киргизов, изъявили сильное желание своего народа принять покровительство России и препроводить через свои кочевья купеческие караваны, прося покровительства нашего правительства от междоусобных раздоров и грабительств в степи” [8].

Об отношениях кара-кыргызов к Ташкенту в начале настоящего столетия дает некоторое понятие Пospelов в своем описании ташкентского владения, куда ездил он 1800 г.: “С живущими по близости Ташкента, в горах Алатау, черными или называемыми дикими киргизцами нет сообщения, и по близости последних бывают сильные грабежи, коих и сам ташкентский владелец пресечь не может, в рассуждении неприступных почти мест к их обиталищу” [9].

Об отношениях кыргызских племен к китайцам красноречиво свидетельствуют рапорты российских военных. Так, капитан Андреев говорит следующее: “Поступок же китайцев с дикими киргизцами весьма слабый, ибо ограждены оные неприступными каменными горами, и хотя в рассуждении своей волности великие чинят на китайские границы обиды, но с китайской стороны и посылаются великие команды, но доходить до них как за трудностью мест и более ведая неутомимость их, и храбрость и защищение своему,

ни один раз нападения на них учинить не могут, и, возвращаясь к своим начальникам, объявляют, что они их сыскивать никак не могут” [3].

Говоря о добровольном вхождении кыргызов в состав имперской России, мы должны понимать, что история писалась под определенную идеологию. Как отмечает акад. В.М. Плоских, историография кыргызско-российских отношений XX века была настолько идеологизирована, что в угоду политике ученым, часто приходилось искажать если не факты, то вытекающие из них выводы.

В 1959 г. в Москве издается книга “Присоединение Киргизии к России”, автором которой был историк Б. Джамгерчинов, то есть фактически о присоединении Северного Кыргызстана. Год спустя К. Усенбаев публикует книгу “Присоединение Южной Киргизии к России”. Термин “присоединение” обозначает мирный процесс, что согласовывалось с действиями северокыргызских племен. Они подписали присягу о принятии Российского подданства добровольно, после отправления первых двух посольств в Санкт-Петербург и Омск. Для южнокыргызских алайских племен был характерен завоевательный процесс. После восстания Пулат-хана и последующих военных событий были присоединены к Российской империи.

В 1963 г. по инициативе кыргызских властей, поддержанной Н.С. Хрущевым, выходит партийное постановление о всенародном праздновании 100-летнего юбилея “добровольного вхождения” Кыргызстана в состав России. Тогда же появляется серия юбилейных книг, была переиздана монография Б. Джамгерчинова, уже под другим названием – “Добровольное вхождение Киргизии в состав России”.

Следующие данные, записанные Аристовым, доказывают обратное. «Удаленные со сцены на 18 лет восстанием мусульман китайцы не могли уже препятствовать нашей власти над кара-киргизами. Оставались непокорившимися лишь алайские кара-киргизы. 21 марта 1876 г., в Оше, военного губернатора Ферганской области ген. Скобелева встретили с покорностью родоначальники и бии кара-киргизов. Были в числе их и бии “главного рода барга”, но Абдулла-бек, Омар-бек и Сулейманкул не явились. Подстрекаемые Абдулла-беком роды сералак и ульджаке прервали караванное сообщение с Кашгарией и заняли сильную позицию в ущелье Янги-арык, в 25 верстах от Гульчи, укрепив скалистые бока ущелья двумя рядами завалов, расположенных в два яруса. Окончательное подчинение кара-киргизов было достигнуто экспедицией ген. Скобелева на Алай в том же июле месяце. Войска были разделены на три колонны. 27 июля явились с покорностью некоторые старшины

с братом Абдулла-бека Хасан-беком. 29 июля захвачена была “мать Абдулла-бека Курман-датха, вдова Алимбек-датхи, казненного в 1863 г. Алимкулом”. 31 июля шайка Абдулла-бека рассеялась и к Скобелеву явились бии и старшины всех каракиргизских родов».

Северокыргызские племена, давно вынашивали идею создания своего единого централизованного государства. В 1841 г. на курултае в Кутмалды на Иссык-Куле кыргызская элита большинством голосов избрала представителя сарыбагыш Ормона Ниязбек уулу (1792–1855) всекыргызским ханом. При хане были образованы Совет аксакалов, назначены управляющие, а также полномочные дипломатические послы [10]. Упорядочены законы (Ормон окуу). Проф. Д. Сапаралиев отмечает, что “с этими событиями были связаны трансформация роли правящей кыргызской элиты бийства и появления манапского сословия в Кыргызстане” [11]. Но дальнейшему завершению и упрочению процесса централизации национальной государственности кыргызов того времени наряду с центробежными силами внутри самого кыргызского общества, помешали и внешние факторы. И, прежде всего, этому способствовала активизация колонизаторской политики Российской империи, вскоре присоединившей к себе Среднюю Азию.

Вопросы истории кыргызов и Кыргызстана со времени присоединения его к России и до 1917 г. выделены исключительно с классовых позиций, а также в русле господствующей партийной идеологии того времени. Поэтому в предыдущем периоде советской исторической науки данная проблема в широком, многоаспектном плане не изучалась. Восполнить большие пробелы в истории и историографии народов Средней Азии помогли научные исследования ученого Н.А. Аристов [12]. В них анализируется международное значение присоединения Средней Азии к России, дается характеристика экономических и социально-политических взаимоотношений народов региона.

Анализ серии публикаций по проблеме социально-экономических и политических отношений кыргызов до вхождения в состав Российской империи позволяет сделать вывод о том, что было недостаточно источниковой базы. Исследования Н.А. Аристов, отраженные в книге “Усуни и кыргызы, или кара-кыргызы”, проливают свет на многие важные вехи в истории кыргызов, в истории Средней Азии [13]. Мы полагаем, что в настоящее время одним из важных моментов в развитии исторической науки Кыргызстана является включение в научный оборот новых методов обработки доселе мало изученных трудов Аристов, и обобщения фактического материала.

Литература и примечания

1. Бартольд В.В. История культурной жизни в Туркестане. Соч. Т. 2. Ч. 1 / В.В. Бартольд. М., 1963. С. 275.
2. Сапаралиев Д. О государственном устройстве кыргызов со второй половины XVIII века до середины XIX века / Д. Сапаралиев. URL: https://kghistory.akipress.org/unews/un_post:1575
3. Аристов Н.А. Усуни и кыргызы, или кара-кыргызы: очерки истории и быта населения Западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии / Н.А. Аристов. Бишкек: Илим, 2001. 582 с.
4. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии Филипа Назарова, отдельного сиб. корпуса переводчика, послылавшегося в Кокант в 1813 и 1814 гг. СПб., 1821.
5. Вельяминов-Зернов. Исторические сведения о киргиз-кайсаках / Вельяминов-Зернов. URL: heritage.ru/ras/view/publication/general.html?id=47398198
6. Сапаралиев Д. К истории возведения фортификационных сооружений на территории Кыргызстана (XVIII–XIX вв.) / Д. Сапаралиев // Изв. Национальной Академии наук Кыргызской Республики. 1999. № 1. С. 39–44.
7. Словова П.А. Историческое обозрение Сибири / П.А. Словова. URL: <https://www.prlib.ru/item/335081>.
8. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 36, № 27. 642. Там же, № 29, 907. По Н.А. Абрамову (Записки по общей географии, 1867 г. Т. 1. С. 274).
9. Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году // Вестник Рос. геогр. общества. 1851. Ч. 1. С. 43.
10. Жолдошев Р. Ормон хан баяны / Р. Жолдошев // Аалам. № 9 (май). 1992; Усенбаев К. Ормон хан / К. Усенбаев. Бишкек, 1999; Омурбеков Т.Н. Улуу инсандардын Кыргызстандын тарыхындагы ролу жана орду: XIX кылымдын ортосу – XX кылымдын башы / Т.Н. Омурбеков. Бишкек, 2003. С. 47–55.
11. Сапаралиев Д. «Кыргыз мамлекеттүүлүгүндөгү “хан” жана “манап” титулдары жөнүндө: XVII кылымдан XIX кылымдын ортосу / Д. Сапаралиев // Түрк цивилизациясынын дүйнөлүк цивилизациялар ичиндеги орду. Бишкек, 2005. С. 333–349.
12. Аристов Н.А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающих антропологических

исследований / Н.А. Аристов // Живая старина. 1894. Вып. III–IV. С. 391–486; *Он же*. Заметки об этническом составе тюркских племен

- и народностей и сведения об их численности // Живая старина. 1896. Вып. III–IV.
13. *Плоских В.М.* Киргизы и Кокандское ханство / В.М. Плоских. Фрунзе, 1977.